

С. Н. Касаткин¹

МИССИЯ ПРАВОВОДА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: КОНЦЕПЦИЯ РОДЖЕРА КОТТЕРЕЛЛА²

Из-за глобальных трансформаций современного мира, текучести и непредсказуемости формируемого на наших глазах «общества риска» возникает проблема сохранения права как института, регламентирующего социальную жизнь и международное общение. Также актуализируются вопросы ответственности юридического сообщества. В связи с этим в работе дается анализ концепции британского исследователя Роджера Коттерелла, нацеленной на объяснение ответственности правоведов за благосостояние права в изменяющихся исторических обстоятельствах.

Р. Коттерелл обращается к такой особой миссии правоведов в обществе, как моральная ответственность исполнителей социально значимых профессиональных функций: анализа, защиты и продвижения идеи права как особой практической идеи и социальной практики. По мысли автора, роль правоведов не ограничена разрешением конкретных дел (в роли судей), представлением интересов клиентов (в качестве юристов-практиков) или использованием права как средства власти и управления (в работе законодателей и администраторов). Ответственность правове-

да относится к праву в целом как общей практической идее или ее воплощению в близкой правоведу правовой системе или типе систем. Он сосредоточен на ценности права как института, пристрастном осмыслении всех аспектов его «благополучия»: ясности, последовательности, справедливости, непротиворечивости, репутации, доступности, применимости, эффективности. С другой стороны, правовед ответственен не перед какой-либо теоретической дисциплиной или системой (как философ или социолог права), а перед самим правом как хронологическим полем практики и опыта. В отличие от ученого-юриста, правовед скорее привержен праву (его ценности), чем науке, задачей которой может быть сбор данных о праве или его демистификация. Роль правоведа, таким образом, задана двумя перспективами: широким воззрением на право с точки зрения философии и социальных наук и его рассмотрением в аспекте особенностей юридической практики и правовых реформ³.

Особая миссия правоведа в изменяющихся условиях практик рассматривается Р. Коттереллом через сравнение подходов немецкого ученого-юриста Густава Радбруха (1878–1949), отстаивающего тезис о моральной ответственности правоведа за благополучие права, и его американского коллеги Рональда Дворкина (1931–2013). Авторы разделяют некоторые общие позиции.

1. Право — *ценностно-ориентированное культурное явление*, выражающее базовые ценности политического сообщества. Правовед ответственен за их выявление и соединение через реконструкцию практиче-

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук. Автор 165 научных публикаций, в т. ч.: «Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридической догматики», «Как определять социальные понятия? Аскриптивизм и отменяемость юридического языка в концепции Герберта Харта», «Концепция „раннего“ Р. Дворкина как „третья теория права“», «Значимость правовой теории: интегративность, догматика, вызовы контекста», «Культурный плюрализм, пароксизмальность правовых понятий и рецепция инокультурного опыта» и др.

² Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 18-011-01213.

³ Коттерелл Р. Правоведы и философы: Радбрух и Дворкин // Правоведение. 2013. № 2. С. 225–229.

ского развития права во времени при сохранении связи юридической, то есть судебной, практики с правом как доктриной — особым сочетанием ценностей («идеи права» по Г. Радбруху или «целостностью права» по Р. Дворкину).

2. Юриспруденция связана с конкретными *правовыми темами, меняющимися в зависимости от места и времени*. Г. Радбрух связывал базовые правовые ценности, ставя вопрос об изменении этой связи и содержания ценностей в различных обстоятельствах. Р. Дворкин же использовал свою «юриспруденцию принципов» как практическое оружие для оценки изменений в праве (в том числе критики решений, подрывающих целостность права).

3. Роль правоведов связана с *постоянной эволюцией ценностей права*. Для Р. Дворкина эта позиция реализуется в бесконечной реинтерпретации права: его судебской трактовке через призму наиболее «здоровой» теории, которая дает наилучшее прочтение правовой доктрины и способ интеграции правовых стандартов в их применении к конкретным случаям. Для Г. Радбруха же такая интеграция заключается в снятии постоянного напряжения между базовыми ценностями правопорядка, в нахождении их контекстуально изменчивого компромисса и баланса. Вместе с тем, по Р. Коттереллу, «стили» авторов различны. Р. Дворкин безоговорочно привержен философской системе ценностей. Право для него — подраздел политической морали, часть большой и сложной философской теории, предлагающей «путь жизни». Поэтому роль философа права состоит в рациональной разработке (конструировании из общепринятых, но разрозненных моральных целей, реакций и традиций) и объединении базовых ценностей и принципов. Стил же Г. Радбруха *релятивен*: «благополучие» права — изменчивое понятие, неопределимое во вневременной перспективе, поэтому правовед хранит верность идее права, оставаясь в контексте правоприменения и не углубляясь в разработку абстрактных философских доктрин. Для Р. Коттерелла образцом правоведа выступает именно Г. Радбрух, тогда как Р. Дворкин в конечном счете — философ, индого носивший мантию правоведа¹.

Развивая подход Г. Радбруха, Р. Коттерелл подчеркивает необходимую *гибкость* мышления правоведа. Он должен, с одной стороны, обеспечить «*независимую судьбу*» идеи права и ее конкретных воплощений от давления «внешних» интеллектуальных систем (экономической, социологической, политической, моральной). С другой — учитывать *реальные* критерии оценки права и его благополучия. Такая гибкость проявляется в восприятии права как «изменчивой геометрической структуры» или «треугольника» базовых ценностей:

¹ См.: Коттерелл Р. Указ. соч. С. 229–232. См. также: Радбрух Г. Философия права. М., 2004; Dworkin R. Law's Empire. Cambridge, 1986. Как полагаем, в своей оценке Р. Коттерелл не учитывает ряд аспектов теории Р. Дворкина, близких образу «правоведа»: ее практическую направленность, пароксизмальность, ценностную ангажированность и прочее, а также то, что ее «тотальность» — скорее элемент «стиля» рассуждений, чем исходная позиция. К тому же Р. Дворкин скорее исходит из изменчивости права как продолжения политической морали общества, чем из самостоятельной идеи эволюции/прогресса правовых ценностей.

справедливости (равного отношения к равным случаям), порядка (формальной определенности) и цели (пользы). Порядок и справедливость суть постоянные технические ценности, обуславливающие действительность права как системы правил: при любом изменении контекстов эти ценности всегда предмет анализа и служения со стороны правоведа. «Цель» образует социальный аспект идеи права, его конкретно-исторические задачи, определяет критерии порядка и справедливости, их культурную значимость и осуществимость в разных контекстах. Отсюда, помимо «технического» примирения ценностей порядка и справедливости, правовед нуждается в анализе права как воплощения культурных стремлений и ожиданий, в соотношении его ценностей на базе *социологической* экспликации взглядов конкретного сообщества².

Технический и социальный аспекты права связаны воедино континуумом. Лишь в крайних случаях существование права становится вопросом «все или ничего» и требует протеста правоведа против разрушения его начал. В обычные же времена социальный порядок является более или менее правовым, а оптимальный баланс ценностей остается на индивидуальное усмотрение: легальность — это вопрос меры, и задача правоведа состоит в ее конструировании как ценностной (то есть легитимационной) структуры. Релятивность такого подхода является недостатком лишь для философских систем, претендующих на целостное и вневременное объяснение феномена права. Для правоведа же теория мыслится как помощь *юридическому ремеслу*: мудрость правоведа — в идее юридического ремесла, практикуемого на самом высоком уровне³.

Выявление социальной «цели» права требует от правоведов его демонстрации и продвижения как гибкой, общепользуемой и объединяющей ценностной структуры (или силы), отличной от интересов государственного аппарата и частных лиц, — структуры, *упорядочивающей и уравнивающей социальное разнообразие*. Философ (в духе Р. Дворкина) устраняет социальный конфликт через поиск либо конструирование глубинных объединяющих принципов, признаваемых разумными людьми как обоснование политико-правовых идеалов. Подход же правоведа — точное определение того, в чем состоит конфликт и как на него можно реагировать. Тем самым обеспечивается выживание права как идеи и универсального блага в меняющихся обстоятельствах. Таким образом, роль правоведа сводится не только к сохранению техник юридической мысли, но и предусматривает ответственность права за развитие социального порядка и справедливости. В таком качестве его миссия является наиболее важной из всех видов юридической деятельности⁴.

Оценивая концепцию Роджера Коттерелла, следует отметить фундаментальность проблемы моральной ответственности правоведов с точки зрения как выживания и успеха института права в меняющихся обстоятельствах, так и ценностно-методологических параметров того, «как делать юриспруденцию». В современ-

² Коттерелл Р. Указ. соч. С. 231–237.

³ Там же. С. 234–237.

⁴ См.: Там же. С. 237–239.

ном российском контексте это, среди прочего, акцентирует важность удержания «собственно юридической» оценки происходящего и аргументации социально значимых решений, подчеркивает необходимость усиления роли юридического (правоведческого) сообщества в обсуждении актуальных тем и продвижения своей позиции.

Вместе с тем сама концепция Р. Коттерелла вызывает вопросы.

Во-первых, автор, с одной стороны, подменяет традиционное видение правоведа как знатока и теоретика права, с другой — ограничительно связывает «развитую в обществе» функцию защиты благополучия права лишь со статусом правоведа. К тому же, вопреки Р. Коттереллу, важность такой правоведческой миссии в системе юридической деятельности относительна и зависит в том числе и от организации правовой системы и развитости научного сообщества.

Во-вторых, автор сознательно не обсуждает вопрос о понятии и «аналитической структуре» права как вторичный и «технический». Между тем различные его решения в меняющихся культурно-исторических и идейно-практических контекстах формируют конкурирующие трактовки миссии правоведа (того, что, собственно, должно поддерживаться и как). То же касается ценностного аспекта права — как состава и иерархии правовых ценностей (например, веса прав личности), так и обоснования самого права в правоведческой деятельности: на чем строится идея универсальной ценности права, и подлежит ли оно защите при любых обстоятельствах?

В-третьих, вопреки Р. Коттереллу, допустимы различные способы «служения праву». Это означает возможность для правоведа использовать разные методологические схемы, включая создание ценностно-нейтральных описаний права, отличных от правовой идеологии или критики (Г. Кельзен, Г. Харт, Дж. Раз), подчинение юриспруденции политической и моральной философии (Р. Дворкин) (*речь идет о подчинении юриспруденции или о неподчинении («отличных от... подчинения»?)*) и др.

В-четвертых, что особенно важно, концепция Р. Коттерелла игнорирует феномен международного права, нуждаясь в соответствующем развитии и проблематизации в контексте глобальной нестабильности. С одной стороны, вслед за мыслителем можно утверждать, что миссия правоведа здесь будет заключаться в обеспечении благополучия международного права по аналогии с правом внутригосударственным. Даже в ситуации глобальных радикальных трансформаций и конфликтов требуется удержание их независимой юридической оценки и продвижение права как структуры, эксплицирующей и справедливо упорядочивающей разнообразие национальных и других юридически значимых интересов. При этом должны сохраняться гибкость и «объемность» позиции: сочетание реальных критериев, заданных стандартами и практиками международно-правового общения, и верности идее и ценностям права¹. С другой стороны, подобная установка видится недостаточной. Как отмечалось, в зависимости от подхода проблемными могут оказаться юридический статус и ценностные начала международного права (та же идея справедливости миропорядка). К тому же правоведа, действуя в контексте, может принимать альтернативные варианты соотношения международного и внутригосударственного права, что дает разные приоритеты — в частности, ответы на вопрос, должно ли хранить верность международному праву при его использовании против национального правопорядка. Далее реализация подхода Р. Коттерелла требует и концепции легитимных интересов, подлежащих международно-правовому признанию, а также их надлежащего баланса (иерархии). Наконец, нуждается в решении проблема конкуренции и конфликта социальных ролей и тем самым предельных оснований верности именно роли правоведа. В этом плане институциональная, культурная, биографическая и прочие перспективы правоведа, судя по всему, будут обуславливать не только выбор внутригосударственного права в противовес международному, но и возможное приостановление служения праву (или даже отказ от такового) в пользу сохранения более важных, высших ценностей.

¹ Интересным здесь будет вопрос: оправдано ли использование неправовых средств для защиты глобального правопорядка, в том числе если сами международно-правовые инструменты используются для его разрушения (вопреки его смыслу)? По-видимому, подход Р. Коттерелла допускает это как крайний вариант компромисса правовых ценностей при сохранении ориентации на идею/благополучие права.